

Дарья
Симонова
НЕЖНАЯ
ОХОТА
НА ВЕДЬМУ

Женские истории

Дарья Всеволодовна Симонова

Нежная охота на ведьму

Серия «Женские истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42872133

Д.В. Симонова «Нежная охота на ведьму». Серия «Женские истории».

Для возрастной категории 16+: Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-227-08722-5

Аннотация

Еще недавно Стефания строила планы и с оптимизмом смотрела в будущее. Вот-вот должна была выйти ее книга под названием «Мистические особняки Москвы» с историями, в которых причудливо переплелись человеческие судьбы, истории семей и родов, городские легенды, мистика и эзотерика. Стеша любила истории о призраках, потемки чужих душ, хитросплетения света и бездны человеческих характеров. Внезапно все кончилось. Издание отложили по неясной причине, Стефания потеряла работу, внезапно заболела, и диагноз не сулил ничего хорошего. Появление в жизни Стефании нового персонажа, загадочной Кары, оказавшейся старой знакомой, изменившей не только имя, но, похоже, и орбиту своей жизни, вытягивает Стешу из пучины отчаяния. Но с еще большей остротой ставит перед ней проблему выбора ценностей мнимых и подлинных...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Д.В. Симонова

Нежная охота на ведьму

Душа, порвав с навязанною ролью,

Ткет в лунный час иное бытие.

Саша Черный

Глава 1

Упражнение Сен-Жермена

Когдаходишьтуда,гдетебепридетсяжить,оченьважна первая секунда. Она решает многое – быть может, как и во всем. Запах, вид из окна, полочка для зубных щеток, слепок многолетней тишины в воздухе или, напротив, почти физически осязаемое присутствие живших здесь, блики и миражи голосов и звуков, оставившие шрамы в эфире. Это выходит на связь с человеком внутренний зародыш истины, которая почти всегда оказывается непостижимой, но остается нашим невидимым маяком.

Когдаходишьв счастливые моменты жизни, то первые глотки не имеют никакого отношения к истине, но потом навсегда ее вытеснят. Глеб в тот вечер вообще ничего не ждал, он хотел отвлечься от неудач последнего сезона и мыслей о смене курса, забыться с малознакомой женщиной, которая по-книжному приблизилась к нему, расспрашивая о какой-то неведомой ему алхимии. Он едва слышал о графе Сен-Жермене, и Глеба не слишком интересовало, почему незнакомка полагала его сведущим. Основатель фирмы с бессмысленно актуальным названием «Промо-арт-драйв», Глеб до недавнего момента был движим вполне витальными и жесткими мотивами, а именно пропагандой нью-ин-

дустриализации. Самопровозглашенный термин! Проще говоря, он художественно воспевал эстетику тяжелого производственного труда, оформляя офисы предприятий эпическими изображениями металлургов, сталеваров и шахтеров. Они ему начали надоедать. От матерого соцреализма и игры в советское ретро его отличали тонкие декадентские нюансы, которые раскусила Кара, рассматривая рекламный буклет, который Глеб везде таскал с собой. Так, слово за слово, наживка была проглочена. Пришлось всезнайку пригласить на ужин.

Кара выглядела шикарно. Тот случай, когда одежда состоит из линий, которые приводят внимание зрителя к лучшему в облике. К проблеску рубиновой родинки сережки сквозь темные волны волос. Этот лаконичный шик был спокойный и продуманный, но что-то выдавало в нем неуверенность и терпкую густую печаль. Глеба терзал неловкий интерес – а вот как это... с женщиной старше себя? Пускай не namного, но от настораживающей новизны впечатлений не отвертись. Хотя ведь не детей крестить собрались, чего уж... И, в конце концов, Глеб сам не юнец. Но ему было неуютно, словно он собирался переступить незнакомую черту.

Конечно, это все Стеша, двоюродная сестрица. Не виделись несколько лет, и вот она прознала, что Глебушка теперь снова один, и все ловко подстроила. Хотя рьяно отрицает! А зачем тогда затянула его на свой корпоратив, где отплясывали потные веселые кадровички?!

– Если бы я тебя собиралась с кем-то прицельно знакомить, так это была бы как раз кадровичка! – озадаченно обиделась Стеша. – А кто такая Кара? Это прозвище? Я вообще такую не знаю, у нас на гулянках полно левого народа!

Ладно, ей придется простить эти кумовьи игрища, ведь она-то и одолжила деньги на это вычурное свидание. Именно теперь, раз уж все равно переломный момент жизни, Глеб решил уйти в самостоятельное плавание и все средства вбухал в дело. В общем, стыдно сказать, сидел без гроша. И не то чтобы ему нравилось одиночество, но он пока от него не устал. У него есть сын, это важно, а все сопутствующие капканы обстоятельств он решил перепрыгнуть. Словом, находился в затяжном прыжке.

Прошло каких-то два часа, а Глеб был уже вдребезги. Он на всех парусах неся в кутерьму молодости и с пьяным истовым благоговением вспоминал былых кумиров. Стоило ли удивляться, что они быстро оказались в его пустынном лофте. Глеб, как и его любимые герои фильмов, brutальные умники, идущие наперерез обывательскому мейнстриму, теперь будет жить у себя на работе. Ему не нужен дом! Пока. А жизнь меняется каждую секунду, и допинг, что вскружил тебя вчера, сегодня абсолютно бессилен. «Так что ни в чем себе не отказывай в моем сарае!» – размашисто громыхал гостеприимный хозяин в поисках штопора. Которого никак было не найти в коробках – Глеб еще не разложил свои вещи после переезда в офис. Собственно, и раскладывать было

пока некуда.

И вдруг Кара затрепетала:

– У меня такой старинный шикарный стеллаж прозябает в тамбуре! Я бы тебе его отдала! Или ты хочешь устроить здесь лаконичный хай-тек?

Нет, он не хотел никакого хай-тека, он любил простор, но не металлическую пустоту. Ему всегда нравился дружжелюбный интерьер. Он моментально согласился на стеллаж. Милое предложение! И располагающее... Так они оказались вместе.

Глеб не любил эти смешные интимные итоги вроде «класс... огонь... супер». Ему не очень нравились эффекты неожиданности. Его заводило, когда «девушка старалась», – ну да, вот такой он, без затей. Ему показалось, что Кара немного переигрывает, но это не грех. Возможно, во всем виноват первый раз и нынешняя тотальная неуверенность всех во всём. И обстановка наверняка непривычная для женщины классических запросов. Все же Каре не двадцать лет, и наверняка она привыкла к комфорту... У нее такие ухоженные ступни.

Черт, все-таки многое, оказывается, сводилось к возрасту! Поскользнулся-таки на банальности. Но нельзя дать себе погрязнуть в унылых клише. Вон как она плавно выскользает из полотенца после душа... голая, улыбающаяся, с милыми рельефными неровностями, которые становятся объектом притяжения, если отношения... Впрочем, зачем он се-

бы уговаривает?! Словно внутренне извиняется перед ней за недостаток желания. Но ведь это еще далеко не симптом! С Ленкой вначале вообще было никак — а потом только щепки летели, и сын родился, хоть она и рыдала три года о своем мнимом бесплодии... Короче, бывает «все как попало», как говаривал один суфий-матерщинник, и нечего терзаться!

Поздно, батенька. Все у тебя на роже написано, философ-надомник. Точнее, теперь «налофтник», ведь Глеб так давно мечтал работать в суровом необработанном пространстве, где мощный свет, словно божественный скульптор, сам отсекает все лишнее. А ночью под окнами ложится и обнимает дом черная пантера города, переливающаяся бликами-огнями...

Меж тем обнаженная Кара царственно уселась за новый полукруглый Глебов стол. Это была жемчужина его хипстерской берлоги! А может, ему просто так казалось, ведь он всегда чувствовал себя самозванцем в дизайне, и это ощущение давало ему необходимый драйв для экспериментов на грани с хулиганством — но без неприятных излишеств. А стол... впервые ему было по-барски удобно! Это даже настораживало. Как жаль, если он прогорит и придется увозить все это великолепие. И куда?! Глеб вдруг по-детски ощутил, что больше всего в возможном крахе ему будет жаль вот этого шикарного рабочего места, на котором он пока ничего не придумал!

Кара идеально вписалась в этот стиль. Есть люди, которые

без одежды держатся куда увереннее. Причина не всегда в идеальном телосложении и необязательно в оголтелом нарциссизме. Некоторые таким образом выколачивают из себя нелюбимость. А впрочем, сейчас-то какая разница! К нему пришла яркая умная женщина – разве это не хороший знак? Но... она хозяйка, а Глеб гость – вот о чем шептала композиция! Валькирия в апартаментах.

– Хочешь работать со мной?

Пожалуй, это был первый импульс шального вовлечения, и с тех пор Кара постоянно вызывала это чувство: в мире полно женщин, которых хочется опекать. Но ей хотелось уступить трон... если бы он имелся в арсенале.

Она, словно не расслышав и не ведая о своем величии, взяла листок бумаги и принялась писать на нем одновременно и правой, и левой рукой.

– Что ты делаешь? – удивился Глеб.

– Это упражнение Сен-Жермена. Способствует гармоничному развитию обоих полушарий мозга, – улыбнулась Кара. – Смотри!

Она протянула ему листок с его именем. Почти идеальная синхронность!

– Ты что, и правша, и левша?! – восхитился Глеб. – Не знаю, как называется эта обоюдность по-научному. Ручная билингва?

– Как мощно здесь пульсирует энергия! – Кара словно не слышала его вопросов. Она встала и принялась бродить по

студии, делая какие-то пасы, словно ощупывая воздух. Потом подошла и с неожиданной робостью присела рядом на диване.

— Давай я пока просто о тебе напишу. О твоей... как ты это называешь — фирма, агентство. Сотрудничество мне всегда в радость, но сначала нужно сыгаться, как ансамбль, пусть даже очень маленький.

Глебу не хотелось серьезных разговоров, и он совсем не насторожился от этого вежливого отказа. Они разглядывали ночь и болтали о полетах на дельтаплане, и о том, кто как хочет быть похоронен в случае падения на землю. Кара хотела, чтобы ее прах частично развеяли над Фонтанкой и Аничковым мостом, а щепотку подхоронили к родителям.

— Красиво и дальновидно! — одобрил Глеб не без иронии.

Он постоянно вспоминал этот вечер и ночь. Утром она вроде никуда не торопилась, и они попили кофе на балконе, а потом она ушла. Но не потому, что ей, как она объяснила, нужно было к нотариусу, а просто чтобы не надоест. Разве женщине после ночи любви может быть нужно к нотариусу... на самом деле?!

Прошло дня три, и Кара сама позвонила. Вкрадчиво и от смущения по-деловому. Ах да, конечно, стеллаж! Как предусмотрительно она забросила удочку невинного повода. Но почему Глеб сам не позвонил ей? Он толком и не мог объяснить. Захотелось отнестись к приятному эпизоду легко. Или сработал инстинкт самосохранения.

Так или иначе, один инстинкт проиграл другому, и Глеб примчался по названному адресу. Своевременный повод отвлечься от неудачи: потенциальный заказчик – крупная рыба! – снялся с крючка.

На стеллаж герой-любовник, конечно, едва взглянул. «Шкаф – это шпионский элемент, ты же помнишь?» Кара с возбужденным весельем выкладывала на стол непривлекательные закуски и опять вино, которое Глеб терпеть не мог. Он сам себя корил за привередливость и тщательно ее скрывал, особенно в дружественных ему домах, но он терпеть не мог спаржу, орешки кешью и пирожки из холодильника! Даже если вчера они были великолепны. Но все эти мелочи так щедро перекрывались пиршеством историй о гвельфах и гибеллинах и прочих разных Элеонорах Аквитанских! Глеб соскучился по познавательной трескотне... ведь так надоедают эти тяготы хлеба насущного! И бог с ней, со спаржей, едва знакомая женщина не обязана знать все его прихоти. Что с того, что некоторые угадывали?! Долой мистическое рабство!

Если бы он был менее великодушным и более внимательным, то заметил бы одну странную деталь, которая, конечно, была замечена им позже: по всей квартире были развешаны странные напоминания о том, что все мы призраки в этом мире. О том, что бояться видений глупо, потому что где-то там, в другом измерении некто, кажущийся нам бестелесным, так же пугается нас. О том, что надо учиться по-

нимать духов, потому что они, в отличие от нас, смертных, никогда не приходят просто так.

Глава 2

Кофе по-борисоглебски

Бывали моменты, когда Стешу очень тяготило звучание собственного полного имени. Стефания! Иной раз она категорично перебивала: «Я не принцесса Монако. Стефанию будете на памятнике писать, хотя я от этого и не в восторге». В молодости она любила произвести впечатление резкой, сильной, пикантно циничной женщины с житейской хваткой, а потом огорошить родом своих занятий. Если о них заходила речь.

Впрочем, ей давно было не до эпатажа. Нынче – особенно. Ее сбил с ног эффект неожиданности. Сколько ни предупреждали ее добрые люди, что врачи теперь – это жесткий иезуитский орден по отъему денег у населения, она все равно надеялась, что, придя к доктору по рекомендации, она отыщет крупинку надежды. Но ей на весь коридор, забыв о врачебной тайне, кричали «у вас рак, Стефания, и если вы...» – все прочее она уже слышала. Ей давно свирепо навязывали операцию. Но она стояла на своем: даже если орган совсем плох, он не лишний. Удали его – и спровоцируешь разбалансировку всего организма. Рак обнаружат где-нибудь еще, и что же, изверги, может, проще сразу отрубить руки-ноги, грудь и голову?!

Ее доводы здесь не слушали. Толстая докторша активно изображала искреннюю тревогу за здоровье неразумной упрямой пациентки. Старая мегера-регистраторша ей вторила: «Вы либо к нам, либо на кладбище». Спектакль был предназначен еще и для Виктора. Конечно, ведь семейный бюджет зависит от мужа. Вите не привыкать, он вел себя достойно и мягко отразил агрессию. Но чего это ему стоит! «Бедняга со мной намучился... а тут еще и мое недавнее сокращение на работе!

Теперь я сяду ему на шею...»

Домой ехали молча, чтобы не расплескать чашу отчаяния. Стеша, стараясь сохранить абсурдную рассудительность, обдумывала, где достать морфий, когда начнутся сильные боли. Положен ли ей рецепт на наркотики, если она наотрез откажется от оперативного лечения и всех этих химий, которых ей уже не выдержать? Надо максимально облегчить ситуацию для близких. Надо уйти спокойно. И самый страшный вопрос: повлияет ли на сына ее суицидальное решение? С одной стороны, он уже не ребенок, с другой – конечно, еще совсем зеленый! Господи, как же его подготовить к жизни без матери? Слава богу, есть отец и... нет, о родителях думать невыносимо!

И не дай бог когда-нибудь Юрке придет в голову, что если мать сделала так, то и он может! Вот от этого губительного выверта ума Стеша обязана его спасти! Но как донести до неокрепшего сознания, да еще и заранее, что эгои-

стичное решение оправдано только для нее? Она выстрадала свое знание, уже лет десять собирая свое страшное досье. Более или менее живут после удаления те, что совершенно из другого теста. А те, что по психофизике похожи на Стешу, медленно или быстро гаснут. Нет, увольте, если она и погаснет, то без помощи этих уродливых хапуг, высасывающих последние деньги и называющих себя «лучшими специалистами в столице»...

Хотя онкологию ей еще «нешили». Это что-то новенькое в репертуаре убийц. Ладно... В конце концов, она прожила насыщенную счастливую жизнь. И даже эти последние мучительные годы радовали ее добрыми вестями. Она – трудный редкий уникальный случай. Бывают моменты, когда имеешь право так сказать...

Попытка быть величественным и молчаливым борцом с проклятой болезнью не удалась. Витя заметил в ее глазах предательскую влагу, хотя Стеша и старалась не моргать.

– Она тебя там смотрела, что ли, так долго?

– Нет. Она эндокринолог. Они не осматривают, они...

– Так что же она делала?! Бумажки твои переписывала для отчетности? Зачем ты вообще к ней пошла – ведь эндокринологи лечат щитовидку. Тогда с чего она про рак... откуда она вообще взялась?!

– Потоцкая посоветовала. Эта врачиха в свое время вылечила ее и еще какого-то родственника.

Виктор зло вздохнул:

– Если благими намерениями вымощена дорога в ад, то благие намерения Потоцкой – это самая короткая дорога.

Виктор был по-житейски прав. Лика Потоцкая – утомительно энергична. Она искренне желала помочь Стефании, но, видно, слишком разная у них биохимия и душевно-телесные связи. Не может им помочь один и тот же врач! Но Лике подобной лирики не объяснишь, она будет напирать на философию любого шанса. Интуитивное сопротивление она сочтет капризом. И когда идет речь о самом страшном... нет, здесь Стеше было не отвертеться. Жалела ли она сейчас, что не прислушалась к себе?! Да. Драгоценные силы были на исходе. Еще один такой доктор-садист, и поминай как звали... Но все эти чудовища на пути – это всего лишь симптом, а не причина наших несчастий.

«Они лишь отражение того, что есть внутри нас...» Эта сентенция вызывала у Вити бешенство. «Впрочем, что с тебя взять, охотница за привидениями...»

– Охотница – это когда за богатыми женихами! – парировала Стеша. – А я просто исследую паранормальные явления. По мере сил.

Когда кто-нибудь недоумевал насчет ее экзотичного призвания, она спокойно объясняла, что давно пора перестать округлять глаза, ибо паранормального в мире гораздо больше, чем нормального. «Охотницей» никогда себя не называла, и не столько из-за сказочной бутафории и смехотворной киношности, сколько из суеверия. Призраки не любят

тех, кто приходит за ними наблюдать прицельно, да еще с записывающей аппаратурой. Они, как известно, любят застать врасплох непосвященных бедолаг, чьи свидетельства до поры до времени никто не будет принимать всерьез.

И все же самую сердцевину своего занятия Стеша старалась замалчивать. Ей было интересно не столько вступить в контакт с настоящими призраками, в которых она не особенно верила, сколько расследовать истинные причины их мнимых или взаправдашних манифестаций. Подземная гидравлика или спонтанный психокинез? Детское баловство или бурная подростковая энергетика? Глубинная семейная напряженность или айсберг семейной легенды... Вполне реальная психофизика была Стеше дороже любой мистики. А еще важнее – острый оригинальный бестселлер об этих исследованиях, который ей так и не дали воплотить... Экспериментальный издательский отдел был признан убыточным, и Стеше, главной движущей силе эксперимента, было слезно-вежливо указано на дверь. Когда ее книжное дитя, трепетно созданный сборник «Мистические особняки Москвы», уже был почти готов к печати!

«Подожди, может, через годик мы к нему вернемся и отдел твой возродим. Не переживай, это временная кризисная мера...»

И не преминули людоедски добавить: «Ты очень талантливая, Стефания».

Стефания, однако, хорошо понимала, что это значит.

Чему же удивляться: если женщине не дать родить ребенка – а книга тоже ребенок! – она начнет болеть. Почти уже готовенького здорового младенца с ручками-ножками! Да что болеть – она мучительно умрет, разорвавшись на атомы.

Но если Стеша не родила своего «ребенка», то кто-то рожал исправно... и как ни двусмысленно это звучит, с ее помощью. История... пожалуй, древняя как мир и не подлежащая разглашению. Ее начальник Паша взял на работу энергичную и не умеющую подчиняться старую знакомую Стефанию не за красивые глаза и прочие субпродукты. Их знакомство берет свое начало в не лучших для Паши и давних временах, когда ему изменила жена. Но если бы только изменила – она забеременела от другого! Меж тем Пашеньку так полюбили ее родители... Он уже было сроднился с этой семьей, а тут судьба выкинула этакое сальто-мортале. Пашенька пустился во все тяжкие, но как человек тонкой душевной организации оказался подвержен психосоматике. Его замутил вопрос о том, почему же неверная не смогла забеременеть от него. Дескать, а вдруг с ним что-то неладно?! А так как впечатлительные и ранимые люди для своего тела – черные маги, то неладное он себе тут же и устроил. Был богатырь и здоровяк, а ему вдруг пришили абсурдный диагноз «бесплодие»...

Он вылечился. То есть сбросил страшный морок, потому что болезни как бы и не было. Его исцелил проницательный уролог, который был в курсе, что на нервной почве бывает

не только импотенция, но и катастрофическая сонливость сперматозоидов. Или как это там называется... Умный доктор, что ныне вид практически вымирающий, лечил больного средиземноморскими путешествиями, распитием молодых и именитых вин у моря и неспешной дружеской болтовней. Паша ему, разумеется, не верил. Но, во-первых, кто ж откажется от такого лечения вместо иезуитских процедур и неутешительных анализов! А во-вторых, Пашина подруга, тогда еще и не мечтавшая о статусе следующей жены, после путешествий забеременела. «Лично я забеременела бы от такого доктора!» – хотела пошутить Стеша, когда Пашенька ей изливал душу, но не стала. Не стала – а ведь могла бы все испортить на этапе знакомства. Может, для нее это было бы к лучшему...

Но все пошло по другому сценарию. Наслушавшись Пашиных баек, она предложила соткать из них историю его успеха, и тем самым начать серию популярных изданий о созидających и процветающих. Ближайшими кандидатами предполагались стратегически важные Пашины коллеги и партнеры. Но был написан лишь опус о Паше, который изматал Стефанию до крайности. Ведь писать о живом человеке, который руководит процессом и до кучи твой начальник... вы шутите?! Это нонсенс и самоубийство. Но Стеша не была столь прозорлива, сколь победительный уролог. Он-то знал, на чем зарабатывать...

А потом наступила эпоха прохладного «да». То есть Павел

принимал Стешину работу, но никогда больше они не вели задушевных исповедальных застолий с итальянскими винами и закусками. Вот и проект о мистических особняках был принят благосклонно, но... видимо, потому что босс знал, что легко им пожертвует в кризисный момент. Ах да, и главное: дети у него пошли, как из пулемета. Четверых настрогал после того, как вышла его «жизнь замечательного человека». А вот Стеша, напротив, репродуктивно зачахла. Видно, вся ее родовая сила ушла на Пашину семью. У него, кстати, было очень много родни, которая запечатлелась в книге и которая не особенно жаловала богатого... кому племянничка, кому дядюшку, брателло или кузена. Всю свою зависть и вежливую вкрадчивую порчу родственнички щедро излили на летописца. Вот с тех пор Стешины недуги и обострились, а потом, после краха со сборником, и вовсе вышли из берегов...

Больно сознавать, но кошмар закономерен. Стеша с самозабвенной страстью ваяла труд своей жизни, жадно представляя, как он выйдет в свет, и не подозревала, что готовит для себя страшную ловушку. А ведь жизнь ей уже преподносила подобные уроки, пытаясь научить смирению. Смирению пахать, не получая ни денег, ни признания, ни даже скромной радости подержать в руках результат своего труда. Она была убеждена, что если написать книгу собственной кровью, как говорил несравненный Андрей Платонов, то она обязательно найдет своего читателя, о чем бы в ней ни было написано – о полтергейсте, Колчаке или о тайской

кухне. Стеша так и жила, и вот теперь обнаружила, что у нее не осталось ни крови, ни книги. А еще говорят, что женские опухоли – это застарелые обиды на мужчин! Исступленно роясь на чердаках памяти, она обнаружила, что при всей своей склонности драматизировать она никогда не страдала от мужчин так, как от заказчиков и от молоха издательского бесплодия. И вот эта обида – она и поселилась теперь в ней пожирающим нутро осьминогом...

Хватанула она, энтузиастка потустороннего фронта, и чужих ядовитых страстей. Не только от живых, кстати! Ведь наипервейшие мотивы, не дающие блудной душе оставить грешную Землю, – это гнев и отмщение. Хотя Стеша полагала эти воззрения наивными. Она была убеждена, что прежде всего душу волнует земная недовоплощенность и недосказанность. Попробуй понять, какой процесс пытается завершить неуспокоенный дух, что и кому он хочет сообщить или что доделать, – и он благодарно вернется в небесную негу, еще и помашет оттуда перышком. Жизнь подарила Стеше чудную историю с призраком. Вот где недосказанность сработала на все сто! И о чем надо писать... Посвященные в ту эпопею до сих пор уговаривали ее. Наивные! Людям кажется, что тема, хорошо прозвучавшая у камелька, в болтовне обаятельных книжных червей и бабочек, сулит коммерческую выгоду издателю. Полноте, друзья! Не на ваши ослепительные дарования нацелена издательская гильотина...

– Что делать будем? Надо врачей искать, делать что-то, а

ты киснешь!

У Виктора была особая тактика борьбы с кошмаром: он считал, что сочувствие для Стеши губительно. Чтобы возродить ее сопротивляемость, нужно жестко игнорировать ее отчаяние. Бичевать ее право на нежность. Ее надо разозлить. Поэтому на доброе слово мужа она давно не рассчитывала. И, конечно, понимала, что он прав. Но сейчас он и сам испуган: кто ж демонстрирует такую щадящую черствость...

– Врачи у меня закончились. Ты же знаешь, я десятки обошла...

– Но где-то же они есть! Существует же на свете доктор, который тебе поможет.

– Где-нибудь под Пензой или в Сибири. Или в Австралии, может быть... Вик, ну что ты заладил?! Сам знаешь, мы с тобой были у корифейки, спасающей больных на четвертой стадии, от которых все врачи отказались...

– Спасающей?! Да она сама себя не может спасти от элементарного ожирения! Эндокринолог называется... Тебе что ни скажи, ты во все веришь. А этот бред, который она несла про собственные рок-оперы! Ты же слышала... безумная тумба, которая в свободное от неизлечимых больных время сочиняет рок-оперы! Такой ахинеи я еще не слышал...

– Чехов тоже был врачом и писателем. И так и не излечил себя от туберкулеза.

– Я вижу, тебе полегчало, раз ты споришь. Ты вообще что, согласна с ее диагнозом?! Во времена Чехова лекарств от ча-

хотки не было, и ты это знаешь. И в ее возрасте Чехов уже давным-давно был на том свете. Я думаю, что он про эту кикимору с рок-операми написал бы фельетон. Хочешь проводить интеллектуальные параллели, вместо того чтобы искать выход, — ложись к кому попало под нож.

Две недели спустя после этого разговора Стеша решилась выйти на улицу. Погулять вокруг декоративного пруда рядом с домом. Дальние маршруты теперь пугали. Как только она перестала ходить на работу, ее настигли новые мучительные симптомы, накалившие суицидальные мысли до невыносимого предела. Она горько удивлялась тому, как еще совсем недавно бодро рулила в своем маленьком отделе, где у нее в подчинении был милый картавый Лешка, ныне тоже уволенный, вкрадчивый спорщик и соавтор далеко не идеальный, но зато неожиданный собеседник. И темы подкидывал интересные. Стеша даже скучала теперь по их совместной работе. Они ведь не только книгу вместе готовили, они ведь еще и ворох всяких разных текстов сочинили. Но... опять эта книга! Только бы не вспоминать о ней...

Наконец в просвете липовой аллеи замаячил длинноногий и косматый силуэт Глеба. Он вытащил сестрицу на прогулку, не желая верить ни в какие летальные диагнозы.

– Мать, что вообще случилось?! Только что я у тебя на корпоративе гулял, все было пучком, а теперь какой-то апокалипсис на колесиках! Видно, происки конкурентов?

– А кто у нас конкуренты? – вяло улыбнувшись, заинте-

ресовалась Стеша.

– Британское Общество психических исследований, не иначе! Сама же мне о нем рассказывала, пылая жаждой приобщить. И, кстати, в твоих мистических особняках есть мировой потенциал. Тебе надо этим заняться! Я уверен, что где-то есть издательство, в котором у тебя их с руками оторвут!

Где-то есть доктор, где-то издательство... Ее утешали так, словно она сама не была чемпионом по поиску невозможного.

– Я вообще-то пришел с деловым предложением. Я рассказал Каре про особняки и про твою могучую «призрачную» деятельность, и она очень загорелась! Тем более что твой научный подход делает тебя редким специалистом в наших Мордорских лесах...

– Что еще за Кара? – испугалась Стеша чужеродных вторжений и тут же вспомнила:

– А... барышня, которую ты повстречал на моей последней вечеринке в нашей конторе... Почему у нее такое странное имя? Псевдоним какой-то! Кара на тюркском значит «черная», а по-итальянски «милая». Так какая она? И что значит «она загорелась»?

– Все же не верю, что ты ее не заметила на сабантуе! Стоит заметить, что она, конечно, уже не барышня. Но разрезает собой пространство. Она запоминается! А про имя мне тоже странно, но я пока не спрашивал. В общем-то, мне немного

все равно.

– Какое прекрасное состояние «немного все равно»!

– Так вот, именно Кара может найти тебе издателя. Ты готова взять ее в соавторы? Потому что у нее есть свой эксклюзив! Про дом какого-то купца Неволина... этот особняк ходунном ходит от всяких духов, и Кара знакома с живым свидетелем. Но тебе, разумеется, лучше самой поговорить с ней. Это шикарный шанс! Что скажешь?

– Скажу, что это очередная обманка, на которой я потеряю последнее здоровье. И еще скажу, что все равно в нее поверю. Потому что усадьба Неволина – красивое место! И мною не охваченное! За красоту погибну. Горбатого могила исправит. А твоя Кара... божья работает в издательстве, что ли?

Глеб победительно поправил модные темные очки, сползавшие со вспотевшей переносицы.

– Умные красивые люди могут себе позволить нигде не работать. Только на себя. В общем, у нее связи в тех кругах, которые умело извлекают выгоду из народного любопытства к потустороннему. И у нее давно есть проект, который она хочет им предложить. Точнее, не проект – задумка. А ты со своей готовой книгой можешь отлично вписаться в эту задумку! Надо только соединить ваши материалы, навести лоск цельности – и вперед! Твои вероломные боссы будут локти кусать и умолять тебя вернуться.

Стеша почувствовала предательскую слабость и надвига-

ющеся ухудшение. Не хотелось бы нарушить майскую идиллию для семейственно гуляющих здесь мамочек с колясками и рухнуть в обморок. Или еще того хуже – болезнь зло изобретательна в своих проявлениях.

– Пойдем-ка домой, Глебка.

Она взяла его под руку, и неожиданно ее накрыло минутное спокойствие. Она и не знала, что бывает не только минутная слабость! Как хорошо, что есть брат. Не все же мужу и сыну терпеть ее хвори. Брат вне паутины семейного долга, вины и страха, он непредсказуемый и безвозмездный подарок вселенной.

Когда Стеша с неизбежным уже теперь стыдом за теперешнее свое состояние забила в любимое кресло, а Глеб размашисто орудовал на кухне, вызвавшись сварить кофе по-борисоглебски, как он называл какой-то рецепт от своего деда Бориса, – вот тогда к Стефании вернулось ее цепкое аналитическое любопытство. И она с пристрастием допросила братца о новой подруге, которая вдруг горячо пожелала слиться с ней в творческом экстазе.

– Пока мы с ней не встретимся и не поговорим детально, этот разговор продолжать не стоит. Ты и сам понимаешь... Что это за таинственные круги, с которыми она связана... И главное – кто она сама? Ведь ты ходишь вокруг да около, но так мне этого и не объяснил. Сдается мне, что ты и сам этого не знаешь. И съешь хоть что-нибудь, наконец! Куриное жаркое. Специально целый казан наготовила в расчете на тебя!

Юрка теперь в жажде свободы уехал жить к бабушке, а Вите много картошки нельзя, хотя он ее и любит. Так что спаси его от желудочной колики.

Глеб ликующе фыркнул:

– Съем хоть весь казан, только не сиди ты вот так обреченно... Я очень хочу попросить тебя, чтобы ты... показала нам тот дом. С поющим призраком. Кара вроде тоже там была, но хочет проверить, о том ли доме речь... и о какой квартире! Она, как и ты... филигранно чувствует потоки энергий. О, как я выучил вашу терминологию! Давай, покажи! И сама, глядишь, взбодрись.

Глава 3

Призраки у

Андроникова монастыря

Вот! Лишнее подтверждение того, что люди слышат лишь лакомую вершину айсберга информации. Квартира с поющим призраком... Первая ласточка! Пришлось снова освежить для братца эту дивную историю, коли он такой забывчивый. Это ж было много жизней назад! Да какие там теперь призраки... Ведь они любят молодых. И смутные времена.

Стеша с Витей тогда только начинали порывисто и неловко вить гнездо со всеми сладостями, пустяшными ссорами и треволнениями «утра любви». Снимали квартиру в удивительном районе рядом с железной дорогой. Тишина, невесомость пуха, комнатные заросли на окнах... словно провинциальный милый городок по пути на Урал или в Сибирь, куда едешь в неясной надежде. Вот только на что? Но все надежды тогда были беспредметно ликующие, как подрощенные щенки.

И все же это была Москва, только многолетней давности, когда Юрки еще в проекте не было, целую эпоху назад. Дом стоял недалеко от Андроникова монастыря и, собственно, представлял собой бывшую заводскую общагу. С виду – доминирующее чудовище, зато внутри была уютная квартирка,

переделанная из общажной «двушки». Хозяева были омерзительные, а после у Стеши с Витей бывало и наоборот – ужасное жилье и чудесные хозяева... Но речь не о них, а об эстетически дикой, но при этом умиротворяющей эклектике непрестижных зон столицы, где она оголяет свой истинный былинно-вокзальный нерв. Без пафоса и богатой дури. Такая Москва, где вспоминаешь старый армейский принцип «подальше от начальства, поближе к кухне», давно стерта с лица земли. Разве что иной раз вынырнет бочком, как подводная лодка «Атлантида», и снова исчезнет в пучине.

И вот в этом идиллическом уголке была одна... вроде как совсем не странность – соседка сверху любила петь. Не то чтобы она напевала любимые шлягеры или собирала громко горлающие компании, что было бы типично, тем более для общежития. Нет, она пела хорошо поставленным, летящим сопрано. Стеша романтически решила, что соседка – певица, но распевалась она как-то нерегулярно. А порой монотонно и безнадежно читала нараспев молитвы. Ее вокал иногда сменялся лаем декоративной собачки, судя по тембру маленькой и вредной. Иногда к таинственной певунье приходил поздний гость, отвратительный жлобский матерщинник, и тогда сверху мог доноситься женский плач. Словом, из этих отзвуков можно было соткать чью-то судьбу...

Собственно, этим Стеша и занималась на досуге, вовлекая скептического Витю, который в те годы спал крепко и не слишком вслушивался в чужие житейские оркестры.

И вот однажды потолочный угол начал угрожающе влажнеть. «Они нас затопят!» – ужаснулась Стеша. Виктор в тот момент отсутствовал, так что она сама бодро пробежала лестничный пролет. Бодрость, конечно, имела своим истоком не столько гнев, сколько любопытство. Найден повод, чтобы посмотреть наконец на сладкоголосую страдальцу! Впрочем, надо было быть готовым и к встрече с угрюмым злодеем. Что ж, в молодые годы Стеше было решительности не занимать, и она упоенно звонила в дверь. Еще и еще. Никто ей так и не открыл. Зато из соседней приоткрытой квартиры выглянула кошка. И не успела Стефания сунуть нос в соседскую дверь, как навстречу ей высунулся не менее любопытный нос хозяйки. Раньше в каждом доме были такие квартиры... Дверь нараспашку, в щель просвечивает бардачище и несет животным амбре. Обычно в таких первобытных норах жили очень милые люди. Они не сплетники, но все обо всех знают. Они всегда позовут тебя на огонек, если ты забыл или потерял ключ. Входить к ним поначалу страшно, но вскоре брезгливость уступает место дружелюбию и первой части евангельского афоризма «будьте просты, как голуби, и мудры, как змеи».

В том доме тоже была такая квартира. Ее обитательница, растрепанная седая фея в трениках и жизнеутверждающей распашонке с розочками, купленной на развалах у метро, возрадовалась случайной собеседнице и с энтузиазмом выложила ценные подробности. Более всего Стешу заинтере-

совала сенсация: в искомой квартире давно никто не жил...

– Да нет же, там живут! Я их каждый день слышу! Мы живем под ними! – изумленно доказывала Стеша. – Поют, кричат, лают! А теперь вот протекли на нас!

– Это не они, это я, – простодушно оскалилась металлическими клавишами коронки добрая фея. – С моего угла произошло к вам. Из ванной. Я уже затерла. Сейчас высохнет. Пойдем, чаю попьем, раз уж я провинилась.

«Э... но угол-то протек не под вами, а с противоположной стороны!» – хотела мягко возразить Стеша, но почему-то она промолчала. Бывает, так хочется продолжить знакомство, что закрываешь глаза на логику. И вот с этих невинных ошибок мы порой меняем курс нашей личной истории. И бесполезно спрашивать себя потом, правильно мы сделали или оступились. Ошибка становится частью нашего становления. Искривление линий становится новым узором. Незапланированный маршрут – импровизацией...

Словом, Стефании ничего не оставалось, как принять приглашение. Завалы хлама, драные тряпичные половички, увядшие кружевные салфетки на старом телевизоре, нетленная полированная стенка из семидесятых, неубранная постель, в которой дремала пожилая болонка. И почему неубранные постели хорошо смотрятся только в кино? Меж тем седая фея разговорилась. Убаюканная задумчивостью, Стеша улавливала ее поток лишь отчасти. Фея уверяла, что ее соседи давно живут за границей. Они все хотели перед отъ-

ездом сдать квартиру, но в последний момент что-то сорвалось. В итоге поручили присматривать за жильем кому-то из знакомых, но, как доложила фея, она видела этих посланников за все эти годы раза два, не более...

— Но как же такое может быть?! — не унималась гостья. — У меня что — галлюцинации? Хорошо, допустим, но Витя тоже слышит все эти... звуки.

— Эх, милая моя, значит, что у вас гармония, раз вы слышите одни и те же... *голоса*, — одобрительно качала головой фея. — Ты не догадалась в окна вечером посмотреть?

Помнится, Стеше на мгновение показалось, что эта гостеприимная любительница живности имеет прямое отношение к тем чудесам, что заинтриговали ее на всю жизнь...

Какое-то время все продолжалось по-прежнему. Певунья, которая обрела статус призрака вместе с мужем-сквернословом и собачкой, продолжала свою богемно-заводскую призрачную жизнь. Стеша, пристыженная недогадливостью, теперь смотрела в ее окна чуть ли не ежедневно. И даже здесь не было ясности: вроде темные. Но однажды, поздно ночью, померещился слабый свет! Словно от настольной лампы, стоящей в глубине комнаты... Раздираемая досадой, Стеша металась, словно молодой барс в клетке — не будешь же вламываться к людям во втором часу ночи! «К людям?!» — посмеивался Виктор. И так, в анамнезе появилась лампа! И вместе с ней на авансцену истории ворвалась Лика Потоцкая.

Точнее, ее каблуки. Наутро Стеша услышала, что по потолку ходит некто новый. Певунья-призрак передвигалась неслышно. А тут вдруг чуждый офисный звук! Один день, второй... Сладкоголосая птица умолкла, матерщинник исчез, собачка впала в летаргию. И вместо них каждое утро – уверенные каблуки. Разочарование не знало границ. Виктор начал подозревать, что у его подруги «призрачная» паранойя. Стеша ничего не могла сделать – как успокоиться, если рядом такая загадка! Пускай у нее самое элементарное объяснение, но дайте до него докопаться! И она придумала версию. Не могла же она к «каблукам» прийти так же запросто, как вышло с седой феей!

Ложь получилась респектабельная и красивая. Неправдоподобная, но в духе девяностых годов с их манящими сквозняками из окна в Европу. Тут и пригодилось Общество психических исследований, которое помянул Глеб. В ту пору Стеша о нем только-только узнала и придумала байку о том, что открылся его русский филиал. И что она... Стефания Горностаева – фамилия придумана на ходу – полномочный представитель... и так далее. В смысле, что далекие пытливые англичане готовы финансировать – о! – Стешину охоту на призраков в этой отдельно взятой квартире. И жильцам выплатить компенсацию...

Финансировать – но не авансировать! Сперва нужен хоть какой-то результат. Вот примерно таким образом Стефания, нацепив свои лучшие босоножки из золотых нитей, предста-

вилась, когда ей открыло двери вполне телесное воплощение цокающих каблучков. Она не прогадала – это было материальное вторжение в призрачное гнездо. Ли́ка с виду была строга и неперспективна по спиритуальной части. Желтый обесцвеченный пушок, узкие и невыразительные, как обмылки, глаза. Но когда она услышала Стешину историю, одобренную возможностью заработать, то недоверчивая оболочка заиграла теплыми красками. И сразу стало заметно, что обстановка в жилище в яркой дисгармонии с обитательницей. Ли́ка и впрямь оказалась временной гостьей, которая приехала на курсы повышения какой-то квалификации и изо всех сил жаждала начать в этом бешеном городе свой путь восхождения. То, что она сразу угодила в пристанище привидений, показалось ей воодушевляющим – хотя она пока не заметила ничего потустороннего! Но ведь лиха беда начало. Подались ли хозяева этой квартиры в эмиграцию или еще куда-то – Потоцкой было неизвестно. Ее пустили без их ведома доверенные лица. Совсем ненадолго. По слезной просьбе. Чудные времена, когда еще можно было поплакать – и тебя пускали на постой...

А дальше случились события, которые до сих пор остались неразгаданными. Несколько дней и ночей Стеша и Ли́ка дежурили в ожидании певуньи и ее «домашних». Успели подружиться и быть обозванными Виктором «медиумическими тетерьями». То сидели, притаившись, с включенным светом и грызли крекер, то, наоборот, пытались возмутить

тонкий вкус призрачной певуньи попсовой телевакханалией. Потоцкая фонтанировала идеями: тогда давай включим оперу – *она* оценит! Давай на время возьмем у соседки ее болонку – собака почует своего астрального сородича!

– А вдруг, это она и лаяла? – начинала сдаваться Стеша.

– Но кто тогда пел? – резонно возражала ее новая соратница по охоте на *духов*.

– Допустим, психокинез! То есть весь этот полтергейст – дело рук седой феи. Точнее, не рук, а мощного энергетического поля. Она же сказала мне: «Это не *они*, это *я*»! Вдруг она имела в виду не протечку, а вообще... все, что происходит?!

И как-то в разгар неопитского мозгового штурма они вдруг слышали с потолка... до боли знакомые Стеше рулады. Певунья объявилась! Но уже на следующем этаже. Неужели призраки тоже могут переезжать? Или они все могут, потому что они везде. Впору было задуматься о Витиных предостережениях. Начиналась паранойя.

Но ведь Лика тоже слышала эти звуки! «Идем, идем наверх!» – кричала она. Но было понятно, что кто-то с ними играет...

Кажется, тогда неутомимая Лика в поисках певицы прочесала полдома. Опрашивала жильцов с пристрастием. Контингент здесь проживал уже не столько заводской, сколько приезже-разношерстный. Кто-то, впрочем, поведал легенду о том, что в этом доме зверский цеховой мастер убил жену.

Что касается вокальных данных убиенной, опрашиваемые пребывали в неведении. Кто-то вспоминал, что здесь недалеко кладбище старообрядцев и это сгущает районную мистику, кто-то кивал на древние стены монастыря.

– Вот! Певунья пела в церковном хоре! Ты же говоришь, она иногда молилась!

– Монастырь-то мужской, – возражала Стеша.

В итоге после увлекательных исканий родился опус о блуждающем призраке – не оперы, но с оперным душком. Привидение пришлось ко двору в мистической газете «Розенкрейцер». В сущности, писала Стеша, а ее новая товарка лишь придала истории смутные коммерческие перспективы, искажившие подлинный сюжет и пригнувшие его до сознания массового читателя. Вот это у нее получалось отлично! Их тандем оценили в редакции и предложили писать о привидениях нашего города еще и еще. Но ведь такой опыт случается не каждый месяц. «Не дрейфь, придумаем что-нибудь!» – уверяла Потоцкая. Вот тогда их пути надолго разошлись. Стефания тяготела к исследованиям, а не к выдумкам. К истинному непричесанному опыту, а не к подделке. Лика Потоцкая держала нос по ветру. Для привлечения читателя она окутала родного для Стеши призрака пошловатыми мифами о несчастной любви, предательстве и мести, но без подобной чешуи публикация, конечно, не состоялась бы...

Вот и вся история. Лика надолго задержалась в «Розен-

крейцере», Стеша пошла своей дорогой. Впоследствии ей редко удавалось так же легко и быстро выйти к читателю, за что она и осталась благодарна своей компаньонке, несмотря на прочие отягчающие обстоятельства.

Глава 4

«Приезжай!»

Кара по многолетней привычке почти пробегала собственный двор. Когда-то, еще в отрочестве, она испытала здесь ужас жертвы. Её спасли вопли алкоголика Антона Палыча – представьте себе, так его звали! – с первого этажа. В это страшное мгновение он, наверное, опять собирался выгонять жену из дома за то, что зажала нычку. Окна их квартиры летом были нараспашку, словно сама жизнь приглашала содрогнуться от омерзения. Никогда нельзя угадать, что спасет тебя. И потому... никого не осуждай. Вот главный урок, что усвоила Кара еще ребенком. И это было первым опытом незаметного отступления от канона, точнее его правки – заповеди «Не суди...».

Не суди – и спасешься. Может быть.

Сердце отстукивало учащенной канонадой: а что, если... что, если правда?! Дом, откуда исчез Сергей... разве бывают такие совпадения? И зачем они нужны?! В какой-то квартире водились призраки! Какая-то певица... что за абсурд? И зачем эта тема снова вернулась? Все почти забылось. И на дороге, двадцать зим засыпаемой снегом, двадцать весен тающей и двадцать лет заливаемой дождями, вдруг обнаружились нетронутые следы. Чудо или жестокая дьявольская на-

смешка? И кто такая Лика Потоцкая? Нет, Кара ее не помнила. Свалиться как снег на голову Любе, Сережиной жене, с этим вопросом? Теперь, когда раны зажили, а у Ромки давно уже *настоящий* отец... Исключено. Надо докопаться до правды самой. Но, когда Глеб подробно рассказал о разговоре со своей сестрой, стало ясно, что он все испортил из лучших побуждений. Кто ж так навязчиво рекомендует в соавторы! Сотворчество – дело тонкое, спонтанное и не терпящее нажима. Но Глеб молодой еще. Или просто с чужими мотивами не осторожничаешь, не боишься неверной ноты. Но не могла же Кара ему рассказать все как есть. Вывалить, как снег на голову, историю о тяжелом анамнезе братца. Объяснить, что ей важна не блажь с призраками, а выход на любого человека, кто хоть что-то знает о Сергее. В его исчезновении Кара винила себя... И она бы не одну книгу написала, чтобы снять с себя эту вину.

А может, она просто сделала скоропалительный вывод? Но все детали совпадают: дом-общага у монастыря, говорливая тетушка с кошкой в полуоткрытой двери, и главное – хозяева, уехавшие за границу. Это ведь Каре они поручили присматривать за квартирой. Она не слишком присматривала – у Ольшевских всегда все гладко и ничего плохого не происходит. Испытано годами. Тем не менее они находили, чего бояться. Сдать квартиру? Чужим людям? Никогда! И миссия смотрительницы была возложена на *Cara mia*. Да, именно Ольшевские дали ей это семейное прозвище, кото-

рое прижилось и стало именем. Старые друзья. И как им после этого откажешь! Но что в результате делает примерная дочь? В строжайшем секрете поселяет туда анфан террибль. Потому что Сережина жена уже устала терпеть его выходки. Она не выгоняла его – просто умоляла дать покой ей и ребенку. Кара тогда была в круговерти личной катастрофы развода, а пришлось еще и с братом возиться. Серега-засранец вроде оценил помощь, но при этом сделал свое фирменное отрешенное лицо великого мастера: у меня, дескать, важная работа, дело всей моей жизни, и мне не до дружков-пьяниц и наркетов. И вовсе я не алкаш! Я буду жить в обители Ольшевских, как монах, и начну замышлять новые проекты, мои будущие детища.

Вот ведь, «детища»... Скажет тоже! Быстро Сережа позабыл – похмельный и безденежный! – что это Кара за него словцо замолвила... чтобы его на работу взяли. Сережа умел навести шороху вокруг своих архитектурных талантов. Но к систематическим занятиям он с детства не проявлял тяги. Кое-как, с исключениями и восстановлениями он окончил реставрационное училище. Валял дурака, пил, но среди хаоса умудрялся рывками заработать и даже зарекомендовать себя достойным мастером. Но дури в нем не убавлялось. Мог представиться работодателю «масоном-каменщиком». Он был старшим по рождению, но остался навсегда младшим. Не вписавшимся ни в одну иерархию, начиная с семейной.

Вряд ли у него могли быть самостоятельные проекты... Разве что чей-то загородный дом. Кара пристроила братца в фирму, реставрирующую усадьбу купца Неволина. Особняк с привидениями! Но... это снежный ком воспоминаний, который не стоит тревожить, а то ненароком полетишь с ним в бездну.

Недели через две... или через месяц – временные рамки давно осыпались – после того, как Кара поселила Сергея в квартире Ольшевских, он пропал. И до сих пор не нашелся. Двадцать лет – это срок, чтобы потерять надежду? Нет, если человек так и не переплыл реку вечности. Его не нашли мертвым. Но и живым – тоже.

А теперь ей послан Глеб, словно весточка из эфира, из того туманного промежутка между той стороной и этой, из тех ноль целых ноль десятых процента, вероятность которых не подлежит рассмотрению.

Она отперла дверь, как всегда раздражаясь на заикание ключа в старом замке, и уперлась взглядом в вечное семейное фото – они с мамой и Серегой на море. Кара пристроила эту фотографию поближе к самым любимым книгам. Чтобы все самое важное встречало тебя, когда тыходишь. Обнимало и защищало. И – твоя вина, конечно, тоже. Не та вина, которая парализует и медленно убивает. А та, что побуждает к действию и искуплению.

Как все же глупо получилось! Она набивается в подруги к незнакомой ей особе, у которой это, разумеется, вызывает

отторжение. А на самом деле нужно-то ей совсем другое. Информация... Как выйти на эту таинственную Потоцкую? Но Кара сама виновата. Запудрила Глебушке мозги, а он и рад стараться. Изобразил свою новую подругу этакой гламурной интеллектуалкой со связями. Потому что Кара свято блюла заповедь: приходи к новым людям как дающий, а не просящий. Вот и поплатилась за гордыню, что, как известно, самый смертный из грехов.

А ее пресловутые связи, которые «умеют извлечь выгоду из народного интереса к потустороннему», ограничивались человеком, которого она упомянула из сиюминутного куража. Это он когда-то был связан с усадьбой купца Неволлина. Создал маленькое элегантное издательство мистического толка, расположившееся в этом лакомом особняке. Придумал рекламную фишку – тамошних призраков. Точнее – сделал из легенды бизнес. Издательство существует по сей день, а его создатель... иногда Каре нравилось думать, что он умер. Словно бы в этом мире восторжествовало справедливое возмездие. Так ведь ничего подобного! Потому он, конечно, процветает. Метафизическую начинку его ремесла очень сильно подпитала Кара. Знала бы она, чем это обернется! Двадцать лет она была уверена, что он что-то знает о Сергее. Но сейчас она даже думать об этом не в силах!

Она всегда произносила про себя или вслух эту минорную фразу, если только «об этом» и могла думать. И набрала номер.

– Привет! – ответила ей беззаботная молодость, играющая, словно всплески волн, в счастливом насмешливом баритоне.

Ромка, племянник. Сын Сережи. Он дружил с теткой, насколько это возможно. И они почти никогда не говорили о его отце. Однажды Кара, будучи в отчаянии по совокупности – экзистенциальные трещины подорвали здоровье, вплоть до угрозы жизни, – завела с Ромой трудный разговор о том, что больше ему никто не расскажет. Кара полагала, что Люба не хранит память о бывшем муже. По тысячу раз понятным причинам – никакого осуждения. Но все же сыну надо знать, что его пропащий и пропавший отец был... не без таланта. И реставрировал исторические здания. Кара в те времена своего личного апокалипсиса не интересовалась его деятельностью, о чем потом жалела, конечно. Она подумала, что должна передать Ромке все, что знает о его непутевом бате. Впрочем, племянник оказался на удивление сведущ. Он знал, что Сергей участвовал в реставрации усадьбы купца Неволлина. И потому Кара решилась на вопрос. Решилась, впрочем, ничего особенно не ожидая:

– Ты никогда не слышал от мамы имя «Лика Потоцкая»?

Вокруг Ромки дымились голоса дружеской пирушки, и неуместная тетушка поспешила было распрощаться, но племянник вдруг легко ее остановил:

– Постой! Тебе надо спрашивать не у меня, а у мамы. Позвони ей! Она часто о тебе вспоминает. В гости бы зашла...

– А я как раз недавно заходила. К маме на работу! – при-
творно воодушевилась Кара, но рассказывать было особо
нечего. Это был тот самый корпоратив, на котором она по-
знакомилась с Глебом. Кажется, тогда Люба, с которой Кара
ритуально поддерживала добрые отношения, испытала об-
легчение, что не пришлось много общаться с родственницей.
Что ж, Сережиной жене особо не за что любить золовку. Но
они обе отчаянно поддерживали «худой мир».

– Видишь ли, – продолжила Кара осторожное дознание, –
я потому и звоню тебе, чтобы маму не тревожить. Просто я
обнаружила, что есть человек, эта самая Лика, которая мо-
жет что-то знать о Сергее... Если твоя мама о ней ничего не
слышала, то лучше и не бередить ей душу.

Рома что-то отвечал и, судя по интонации, горячо опро-
вергал, но связь была плохая, слова улетели в прорехи эфи-
ра, а потом рассыпались короткими гудками. Кара не стала
перезванивать. Решила, не судьба. Да и не верила в мифиче-
скую блондинку, которую Серега поселяет в квартире Оль-
шевских, после чего пропадает. Он, конечно, негодяй и ве-
ликий путаник, но и в его поступках должна быть логика.
Кара очень долго искала ее, но то, что она ее не нашла, не
значило, что ее не было.

А ночью она проснулась от знакомых и уже подзабытых
ощущений. Удивительно, как мы простодушно верим в то,
что кошмар закончился, как только он ослабляет хватку и на
время оставляет нас! И когда ледяной призрак снова берет

сердце в свои ладони, оно, наивное и летящее, от неожиданности останавливается и съеживается, а потом начинает отчаянно трепыхаться, пытаясь вырваться из каменных объятий. Или из новой ловушки судьбы, словно упавший на спину жук. Да, это был уже знакомый дух или, точнее говоря, полтергейст: звуки, очень похожие на чей-то внезапный ночной приезд, как будто кто-то осторожно ходит по квартире, боясь разбудить спящих. Кара пережила это адское приключение десять лет назад. Тогда в первый момент она вспыхнула обманно счастливой догадкой, что вернулся Сережа... Но, когда она встала и начала звать его и обшаривать квартиру, неведомая бестелесная сущность, словно дразня ее, уронила ту фотку в рамочке, где они с мамой втроем на море. Точнее, это в первый момент Кара грешила на «сущность», а утром выяснилось, что это Марина, дочка, заслышав шорохи, отважно встала и вышла в коридор, а когда услышала материнский голос, от неожиданности ухватила за шкаф и нечаянно столкнула рамку... Натерпелись тогда жути! С тех пор фотографии было суждено красоваться «примагниченной» на холодильнике – уже не на книжных полках, но рядом с ними. Кара теперь боялась рамок и всего того, что может упасть. Только недавно она преодолела этот страх, собираясь найти для фото подходящее обрамление... И дух вернулся.

И дух это или кто живой?

Ныне, как и в ту первую встречу, она снова на мгновение заблудилась в истоках этого чувства, которое узнала в ран-

нем детстве, в пыльном провинциальном городке, где жила бабушка. Стоит добавить, что не та бабушка, которую самозабвенно любишь и мечтаешь остаться в ее райских чердачных куцах, будучи замученным грамотой городским дитятей. Нет, то была бабушка другая, невидимая, как называла ее Кара. Потому что с ней она виделась очень редко. Бабушка Алина была женщиной с грустной, немного укоряющей улыбкой, молочно-белой кожей с веснушками... И с нервной, настороженной манерой задавать странные вопросы. Например, почему Кара до сих пор не умеет шить. Неожиданно взрослая и тоскливая обязаловка из бабушкиных уст удручала невероятно, и внучка прослыла здесь буйкой. На самом деле она рвалась к другой, теплой и солнечной бабушке, и когда наконец желание исполнялось – о, как бежала вприпрыжку с вокзала к ней Кара! Хорошо, что человеку по рождению положены две бабушки... Но с Алиной все же приходилось порой проживать месяц, и он тянулся бесконечно, как любое заточение. И вот именно тогда одновременно впечатлительная, но и цепко наблюдательная Кара познакомилась с утренними призраками, густо населявшими Алинин дом. Да, именно утренними, потому что они появлялись не ночью, а в момент пробуждения Кары. Она начинала вслушиваться в манящие в своей неразличимости голоса из кухни – оживленный гул праздника, споры, всплески, смех... И тогда ей отчетливо казалось, что за ней приехала мама или отец, чей голос тоже вплетался в общую нестрой-

ную палитру настраивающегося родственного оркестра...

Маленькая Кара, наверное, догадывалась, что приятное предвкушение ее обманет, и не торопилась вскакивать с постели и бежать на кухню. Но все же иногда... иногда бежала по пестрым тряпичным коридорным половикам туда, где призрачный смех и радость неслучившейся встречи, – чтобы разбиться вдребезги о пустоту, о будничные враждебный интерьер, который ей никогда не нравился. Что позволило маме примирительно всем объяснять, что «ребенок просто с непривычки боится высоких потолков»... Оказывалось, что никто за ней не приехал. Утро начиналось с несбывшегося.

А потом Алина угасла. Совсем еще нестарой. Много лет спустя Кара начала свое невольное «призрачное» расследование. Если пришелец не Сергей, то происходивший с ней потусторонний трип, возможно, был связан с бабушкой. Проще говоря, Кара сходилась с ума, пытаясь расшифровать послания грустной Алины. Интересно, что Серега с той бабушкой прекрасно ладил, обожал у нее гостить и не мечтал, что за ним приедут родители... Он, несомненно, знал Алину лучше. И он исчез.

Они вообще были очень разными со старшим братом.

И вот неразгаданный призрак снова здесь. Точнее – сумасшествие возвращается. А как ты хотела, женщина с именем Кара... божья! Десять лет назад она хотя бы была в доме не одна, тогда еще дочка была маленькая. Присутствие того, кого надо защищать, накачивало адреналином и заставляло

преодолевать страх. Теперь же Кара одна. Может, пришел ее смертный час? Что ж, во всяком случае назревает нескучная смерть! Хотя поначалу хочется поглубже залезть под одеяло и переждать inferнальное вторжение. Шаги, шорохи, падение предметов и даже еле различимое дыхание над тобой... оставляющее простор для воображения: сейчас тебя начнут душить подушкой или просто швырнут в голову тяжелый подсвечник? Маринка только один раз проснулась – в тот раз, когда уронила фото. А в другие ночи ничего не слышала. Спала безгрешным младенческим сном, в то время как у Кары, как назло, начиналась злобная нужда «по-маленькому», и такая непреодолимая, что оставалось только призвать в себе самурайский дух, встать и идти. Кстати, когда она злилась, дух на время прекращал свои козни. Но надо было разозлиться очень сильно, а значит, убить страх, который не собирался легко сдавать позиции. И все же самым трудным было признать происходящее, дать ему название и остаться в глазах окружающих в здравом уме и трезвой памяти...

Особенно когда она нашла inferнальное подношение, конверт с надписью «Дорогой Каре с любовью», словно подарок на день рождения...

Этой ночью «пришелец» был деликатен. Шуршал шторами, скрипел дверью в ванной. Тронул обувь в прихожей: тихо звякнула, завалившись на бок, туфля из лучшей выходной пары – их нетрудно узнать по звуку, они единственные на

каблуках. Все эти звуки можно было с натяжкой, но списать на вполне мирскую физику: сквозняк, проседание дома из-за влажности и прочие колебания воздуха и земной коры. То есть можно было убедить себя, что ничего сверхъестественного не происходит. Кара, израненная опытом потерь и разочарований, не гнушалась этим способом преодоления действительности. Пускай он глупый и страусиный, но если в данный момент тебе невыносимо и нужна передышка, то почему бы не сунуть голову в прохладный песок мнимой безопасности, охладиться, все обдумать и принять правильное решение. Притвориться дурочкой и обмануть злые силы...

Но теперь Кара лежала в сонной испарине и едва ли не усмехалась. Ну кто же, кто может с ней вести такую изощренную игру?! В офисе Сережкиной благоверной она знакомится с Глебом, чья сестра, можно сказать, занимается привидениями профессионально – и по невероятному стечению обстоятельств бывала в квартире Ольшевских примерно в то самое время, когда из нее исчез Сережа. Появляется новый, доселе неизвестный фигурант – Лика Потоцкая. И сразу возвращается призрак! А может, кто-то хочет запугать Кару, чтобы она больше не искала брата?

Меж тем шорохи и тихие шаги как будто стихали, но ее было не обмануть этими фокусами. Плавали, знаем. Только расслабишься – и... Кара встала и зажгла свет. Но это только комната. А дальше – темные коридор, ванная. Оставалось преодолеть иррациональный страх быть задушенной на по-

вороте к кухне. Нечто набросится из-за угла и... все, пора вернуться к цигунским практикам! Нельзя, чтобы этот кошмар каждый раз заставлял врасплох. Надо смириться с тем, что он теперь на всю жизнь. И это самое трудное! Не надо никому жаловаться и просить защиты. Не надо рассказывать, каким черным дегтем тоски и страха покрыта изнутри ее светлая душа. Это крест, его надо нести, не спрашивая, за что и почему он дан и когда все это кончится. Никому ничего не объяснишь. И особенно себе самой.

Кара понимала, что опускается до жалкого малодушия, до истерики, но все же набрала сообщение Глебу: «Приезжай». Он наверняка еще не спит. Для него это будет приключение, он еще ни разу не ночевал у нее. А ей... не успокоиться сегодня одной. Если он позвонит в дверь, то у Кары хватит смелости добежать сквозь темноту и открыть. Он даже не узнает, от чего ее спас.

Глава 5

Герман, воплощенный мотив к волшебству

Иногда Стеша видела просвет. Чувствовала долгожданную передышку. От постоянных мыслей о том, что это просто ужасный стыд и неловкость – лежать в гробу и надо кремироваться, не показываясь публике. Кроме самых близких. От постоянства этой методичной паранойи можно было сойти с ума. Казалось бы, вздор и бред – но какие стойкие! Ничего с ними было не сделать. От визитов к докторам эти мысли только усиливались. Виктор теперь опаздывал на работу, потому что утром повторялся ритуал: Стеша садилась у окна, поворачиваясь к миру плачущим ликом, чтобы домашние не видели. Так и зависала над сырным бутербродом и остывающим кофе. И все. Можно было считать, что день прожит...

– Рыдать пошла? – вздыхал Витя, когда жена выходила из ванной.

Как ни странно, из этого укоряющего зернышка вырастал разговорец, после которого Стеша могла худо-бедно дожить до вечера. И вот в один из таких дней, похожих на любой другой день черной полосы, она решила собрать досье на Глебову подружку. Врага, – в данном случае возможного соавтора! – надо знать в лицо. Глеб прав: странно, что, имея

сносную память на лица и смотря на мир с любопытством, Стефания не запомнила и даже не увидела Кару на том злополучном сабантуе. Пускай лицо в данном случае не столь важно. Но хотя бы чьей гостьей она была?

Что ж, остается вариант прямого вопроса. Придется познакомиться с «умной и красивой, которая может себе позволить не работать». Интересно, как она пишет? А главное – почему! Что за тайные сведения о доме купца Неволина она прячет за пазухой? И зачем ей поющий призрак у Андроникова монастыря?

И Стеша нырнула в бездонное море информации по сказочному принципу трудоголика «найди то, не знаю что». Бывает, чтоловишь на эту пустышку крупную рыбу! На этот раз на ресурсе одного из историко-краеведческих сообществ был пойман опус об искомой обители с привидениями. Подписи не было, источник не указан. Но стиль казался узнаваемым. Подлинная история владельцев усадьбы – памятника незабвенной эпохи модерна, кокон судеб-предтеч доневолинского периода. Ведь этот веселый меценат кутил здесь лишь лет десять перед революцией... Стефания не заметила, как увлеклась историей, которая почему-то казалась ей знакомой:

«...5 ноября 1869 года у супругов Эристовых родилась дочь Тамара. После родов здоровье Серафимы до того расстроилось, что по настоятельной рекомендации врачей она с согласия мужа и в

сопровождении родителей отправилась лечиться на воды за границу, оставив младенца на попечение родственников супруга. В это время князя Эристова настигли кредиторы, требовавшие оплаты векселей. Положение стало настолько серьезным, что Евгению Григорьевичу пришлось оставить службу и объявить себя несостоятельным должником. Эти потрясения, видимо, сильно пошатнули душевное здоровье князя. Теперь впору было ему самому ехать лечиться на воды, но, увы, материальное положение не позволяло... От отчаяния эмоциональный и порывистый князь решил «оторваться» на ближних. Он решил забрать у Спиридоновых свою дочь и увезти ее в Грузию без ведома жены. На увещевания родственников о том, что этим он, мягко говоря, огорчит Серафиму, Евгений – далее цитата из письма Спиридоновых в императорскую канцелярию:

„...письменно отвечал, что, так как она оставила его в самом безвыходном положении, в которое он попал чрез нее, то, приписывая этот поступок, уничтоживший в нем чувство любви к ней, отсутствию в ней сердца и всякого благородного чувства и объясняя побег ее с ним лишь желанием получить княжеский титул, он не может предоставить ей воспитание дочери, которую намеревался отправить на Кавказ к своей матери“.

Такой вот своеобразный ход мыслей был у князя Эристова. Мол, сама виновата: разболелась назло мне, отправилась прохлаждаться в Баден-Баден, бросила меня на произвол судьбы, а я тут

долги расхлебывай, которые, между прочим, из-за нее наделал! Абсурдность претензий венчает брошенный Серафиме упрек в том, что она вышла замуж по расчету, позарившись на титул. К слову сказать, отец Серафимы купец В.Х. Спиридонов, крупный благотворитель и владелец недвижимости и промышленных предприятий, имея он аристократические амбиции, смог бы найти для дочери партию куда более родовитую, чем тифлисские князья. Так что в смятении Евгений Григорьевич обнаруживает, скорее, собственные небезосновательные опасения в том, что в расчете-то подозревают его самого. И, памятуя, что лучшая защита – нападение, он защищается столь нелепым образом».

«Отсутствие всякого благородного чувства»... Женушка, ехидна этакая, вздумала разболеться и уехать на воды, когда мужа, пьяницу и картежника, одолели кредиторы. Так-так, что же дальше! Угрозы экзальтированного князька украсть дочь Тамару, которую он собирался увезти в Грузию... злобное письмо его мамыши, которую сынок, без сомнения, на-травил на свою жену и ее родителей, и наконец: «...заведено гражданское дело „О выдаче жене корнета Серафиме Эристовой вида на жительство отдельно от мужа“, датированное 1870— 1874 годами». Да, был и такой казус: жена вписывалась в паспорт мужа и должна была проживать с ним, не являлась самостоятельной юридической единицей. Об этом

теперь часто забывают, когда строчат исторические романы или стряпают костюмные мелодрамы...

И вот, пожившие отдельно супруги – какой «неожиданный» поворот! – в 1876 году производят на свет сына. Точнее, производит Серафима, а ее экзальтированный муж, приняв посильное участие в процедуре, куда-то исчезает. Всплеск страсти оказался для него роковым. Очевидно, он умирает во цвете лет... и в зените долгов.

«...Младенцу Георгию не довелось узнать родного отца, но он унаследовал некоторые свойства натуры своего неводержанного батюшки. Об этом довелось узнать шереметевской хористке Екатерине Дмитриевне Чернышевой. Впрочем, не только ей, а многим представителям почтенного светского общества обеих столиц довелось узнать и то, что Евгений и его сын Георгий Эристовы – далеко не самые одиозные представители славного грузинского рода...»

Хористка графа Шереметева! Вот он, момент истины. Екатерина Чернышева, прабабушка Германа. Начало начал его метафизических штудий. А кто такой Герман, в двух словах не объяснишь. Он и сам для Стеши – начало! Может быть... его прабабушка и была Стешиным поющим привидением?! Ворвалась в бессознательное... – и только сейчас Стефания ее опознала! Екатерина, судя по примечанию, жила в доме, признанном впоследствии необычным образцом русского модерна, которым в тот момент еще не владел купец

Неволин... а владел купец и известный благотворитель... Впрочем, не будем пока уточнять, кем он приходился героям повествования, чтобы не запутаться в родственной паутине!

Итак, «поющий призрак» обрел историческую трактовку! По прошествии стольких лет... Видно, пришло время ностальгических фантазий. Хищные эскулапы внушают, что мозг «умирающей» Стефании затухает, ослабленный низким гемоглобином. Так они правы или, напротив, любимые серые клеточки Пуаро встряхнулись и пока держатся бодрячком?! Вопрос без ответа. Осталось понять, кто автор исторического очерка, укравший – или сохранивший для потомков? – трепетную тему Германа, Стешиного учителя. И правда... не перед смертью ли весь этот декадентский карнавал?

Герман. Дивный человек, воплощенный мотив к волшебству! Первые опыты объяснения потустороннего и прикосновения к миру вещей с точки зрения их психической ауры... Первая влюбленность в интеллект. И вроде бы ничего не было возможно между ним и пытливой, малость сумасшедшей в ту пору Стефанией. Герман, которого в тусовке называли дядей Германом за надежность и красный галстук в эпоху тотального протеста и свободы, уже был опутан странными отношениями со своей ученицей, которую он вроде как заразил туберкулезом. Чувство вины и какой-то обоюдной неловкости царили в их отношениях, но при этом Стеша с этой ученицей поверхностно приятельствовала и

болтала о насущных пустяках вроде входивших тогда в моду тестах на беременность. Барышня была милой, нелепой, и в ее присутствии ломались электрические предметы. История темная, ученица вылечилась и покинула Германа, а он... совершенно не верилось, что он не выкарабкается. Он был сгустком энергии, преподавал в двух институтах, работал программистом в шикарной гостинице и писал книгу о том, как правильно общаться с духами предков, чтобы приумножать родовую силу и получать благодаря ей энергию из космоса. Тема начинала быть модной, но никто в ней толком ничего не понимал. Особенно молодежь. Еще бы – здоровье и кайф хлещут через край, до предков ли! И тем не менее Герман умел увлечь мятежные умы, и его популярность в студенческих кругах росла как на дрожжах.

Что для малость сумасшедшей Стефании обернулось тогда мятежной и болезненной любовью. Потому что из предков «выросли» ее привидения! А кто ж они, как не наши предтечи... Герман принимал ее чувства, словно родитель, удивленный неожиданными способностями своего дитя. В нем не было механизма разумной дистанции, зато Стеша терзалась целым букетом страстей, и самым тяжким был, конечно, крест безответности. Близость их была слишком перегруженной прошлым. Порывистая, кровь с молоком Стеша своей молодой страстью, с которой прижималась к смущенному худосочному Герману, топила всякую вину любовным цунами. Запомнилось, как он сидел потом на крова-

ти, опершись локтями на колени, с выпирающими ребрами, светлыми слипшимися волосами и такой же белесой скандинавской щетиной. Сидел и своей фирменной улыбкой безвольного гуру говорил судьбе «да». Но вина сообщников страсти все равно потом оказывалась на поверхности: вспоминалась «неловкая» ученица, явно не до конца ушедшая из жизни Германа, и... болезнь. Которой Стефания совершенно не боялась заразиться, потому что не верила в нее, но предмет ее слезной экзальтированной любви подозревал, что чахотка всего лишь в необъяснимой ремиссии. Ведь Герман, мудрейший из прекраснейших, быстро разочаровался в докторах и лечился через пень колоду. И то, что он вопреки медицине пошел на поправку, еще больше укрепило его метафизическую веру. А тут еще и от девиц отбоя нет...

Теперь полуживая Стеша, что давно уже не кровь с молоком – одна сыворотка осталась! – жалеет до слез, что слишком сильно любила Германа. Вот ведь дурь! Любила, а слушала его вполуха. Впрочем, кое-что усвоила, иначе как вспомнила бы через столько лет его рулады о прабабушке... с которой, однако, никак не связала певучий призрак в заводской общаге. Но тогда... Герман был еще жив, и предупреждение с небес не было прочитано правильно. Стеша уже любила Витьку, что дал ей правильное чувственное русло. Любовь – мощная опасная река, и в ней плывет миллион ковчегов и тонут мириады истин. Но в ней нет стоячих вод вины.

В уходе учителя слишком много неясного. С чего он во-

обще болел, и был ли это действительно туберкулез? Даже теперь, умудренная горькими опытами, Стефания не слишком в это верила. Куда подевалась вся его многочисленная родня в тот смертельный период – его тяжеловесная и неутомимая мама-дачница, привозившая исполинские сумки с закатанными огурцами и обалденным лечо? Его бывшая жена с детьми? Еще одна бывшая жена без детей? Наконец, чахоточная ученица? Смутно известно лишь одно: в жизни дивного, но беспутного появилась та, что его разрушила. Некая роковая фигура, принесшая ему смерть. Стеша почти ничего не знала о том периоде жизни Германа. Кроме того, что эта особа привела его к шарлатанам, когда болезнь затронула второе легкое. Боже, как умнейший человек мог так себя запустить?! Ведь не девятнадцатый век, чтобы умирать по-чеховски... Но дяде Герману, как и создателю дяди Вани, был не чужд эксперимент. Докторов он возненавидел, так что псевдоцелители-убийцы появились зловеще вовремя. Вот только эта роковая персона рядом с ним: она искренне заблуждалась или зачем-то сознательно убила Германа? Выгоды от него никакой...

Погружение в прошлое спасительно прервал телефон.

– Лирика?! Как ты вовремя звонишь! – почти закричала Стеша и, не давая разразиться пулеметной очереди вопросов о здоровье, загрузила заклятую подругу новой задачей. – Скажи мне скорее, что в твоём досье есть об усадьбе купца Неволкина?

Реактивная Потоцкая не растерялась.

– Да как же ты не в курсе! Это ж по твоей части. Хотя... давно это было. Но история громкая! Этот особняк занимал Шалимов. Основатель одного из самых известных издательств мистики и эзотерики. Да, впрочем, что значит «известных»?! Оно было единственным в своем роде. И обитало в неволинском доме... с привидениями! Шалимов даже уверял, что нашел источники смешанного финансирования для реставрации особняка. И достойных исполнителей. Он очень дорожил его атмосферой и не хотел, чтобы к нему прикасались профаны. Но случился какой-то конфликт интересов, и его из особняка турнули. Туда въехала налоговая служба, или еще какие чинуши. И вот, не прошло и трех месяцев, как в этой конторе кто-то погибает при странных обстоятельствах. Я не помню всех деталей! Начинают ходить упорные слухи о причастности к этой гибели Шалимова. Учитывая его интерес к метафизике и парапсихологии, причастности не столько криминальной, сколько магической... Сам Шалимов подливает масла в огонь тем, что делает заявление в стиле «Я же говорил, что надо было дать мне отреставрировать!» В общем, напрашивается на выводы, бросающие на него тень! При этом он как будто и не отрицает... нет, не свою причастность, конечно, а вставших на защиту справедливости потусторонних сил. Дескать, в нашем карательном государстве защитить от чиновничьего произвола может только полтергейст. Этим он снискал себе популяр-

ность у протестующих и несогласных. Как следствие, продажи издательства выросли...

– А в качестве доблестного полтергейста, надо понимать, выступали призраки купца Неволина и других владельцев, с которыми Шалимов вступил в преступный сговор? Как же я пропустила такую интересную заваруху?! – сокрушалась Стеша, чуть было не забыв об истинной цели разговора. – Скажи, а в связи с этим не слышала ли ты о женщине по имени Кара?

– Определенно нет.

– А издательство Шалимова еще здравствует?

– Конечно, в последнее время у него дела шли не ахти, как и у всех в этом бизнесе, но жив еще, курилка...

– Судя по изданной им книге «Синдром предков», Шалимов решил отойти от эзотерики?

– Да он и раньше на ней не циклился, просто сама понимаешь... Но почему ты спросила? Лично я Шалимова уважаю, он глыба.

– Как ты думаешь, могли у него оказаться материалы Германа? Хотя понимаю, что вопрос глупый, гипотетически все возможно...

– В общем, да. И первое, что приходит в голову, – они могли попасть к нему от самого Германа! – усмехнулась Лица.

И, не давая ей перетечь в разговор на тему болезни, Стефания под предлогом срочных дел временно прервала разговор. «Роем дальше!» – решила она, взбодрившись неутоми-

мым, как юный бульдог, поисковым инстинктом. И чем дальше она рыла, тем более убеждалась: лучшие книги одиозного издательства словно выросли из замыслов Германа и из его излюбленных тем. Наводило на эти мысли и присутствие в ассортименте шалимовского издательства великой книги Анн Шутценбергер «Синдром предков». О ней, еще не переведенной на русский, Герман вдохновенно рассказывал своим волосатым студентам-апостолам, а Стеша слушала краем уха... благословенное неведение молодости!

Она в конце концов одернула себя за пристрастность. Коли считать дражайшего дядю Германа городским пророком, то все укладывается в логику эволюции. Есть люди предвидящие – и он, без сомнения, был таким. Потому его идеи восприняли потомки, о чем он не просто мечтал – был уверен! Издатель, возможно, просто чутко держит нос по ветру, и Герман тут ни при чем. Но все же хочется узнать, не было ли ретивого эзотерика Шалимова в числе «дядиных» апостолов... А прабабушка, хористка Екатерина Чернышева?! Кому она нужна, кроме правнука? Хотя как раз через нее, страдалицу, которую вместе с дочкой муженек из рода Эристовых проиграл в карты, Герман и хотел выйти на историю московских авантюристов и благотворителей. И, судя по отрывкам его документальной повести, вышел, соединил свое любимое, несовместимое! Так вроде можно только порадоваться, что не пропал его труд, не сгинул в смерче девяностых... Тогда почему в тексте не указано авторство? Нет,

слишком темная полоса была теперь у Стеши, чтобы вот так просто поверить в добрый исход или искать оправдания.

Интересно, почему все дороги ведут к особняку Неволлина?

Она набрала номер телефона Глеба и стала терпеливо пережидать длинные гудки.

Глава 6

Антибордель

– А мы совсем забыли про шкаф? Ты возьмешь его?

Кара уже вторые сутки погружалась в счастливую безмятежность, какой не знала с самой юности. Глеб, казалось, распространял вокруг себя ауру мужского веселого дзена, и это оказалось лучшим лекарством от тревоги. Кто бы сомневался! От тревоги, которую Кара, согласно восточной философии, старалась обратить себе на пользу и превратила ее в своеобразный источник энергии. Годы тренировок сделали свое дело – на людях она изображала женщину, успешно сдавшую норматив в забеге по лезвию бритвы... Так и жила, и сама это называла «из муки делая слона». Бог ей давно не посылал людей, не опутанных паутиной невзгод. Откуда только взялся этот милый охламон...

– Шкаф? А...

Глеб, похоже, был из тех, кто моментально осваивается в любом жилище... и не держит в памяти лишнего. Восхищается толщиной стен в ее доме. Распутывает провода из пыльного уродливого кокона и укладывает их так, чтобы было удобно смотреть кино на ноутбуке и при этом валяться на кровати. В одиночку Кара никогда не смотрела фильмы лежа. Разве что только очень-очень давно. Смешно, но ей это

пришло в голову только сейчас. Она стыдилась сибаритства, но тем слаще было выкинуть этот стыд на свалку.

– Так это самодельный стеллаж? Полки разнокалиберные, с разделителями. Дверцы добротные. С любовью сделан, крепкий... Но тут у тебя много чего лежит. Куда ж ты все это денешь?

Слишком много вопросов. Этот шкаф – память об отце. О большем Кара говорить не хотела. Во всяком случае, сейчас. Отшутилась, что все содержимое тоже готова подарить или раздать бедным. «О, если бы бедным было это нужно, то в мире царила бы гармония».

– Если эта вещица с семейной историей, я его беру. Собираю такие вещицы. Обожаю сталкивать лбами чужие скелеты в шкафу. В твоём шкафу есть скелет?

– Целое семейство! И если бы ты освободил меня от них, моя благодарность не знала бы границ.

Интонацию Кара постаралась выдержать в непринужденно светских тонах. И одновременно подумала, как велик, глуп и тщетен ее страх отпугнуть мужчину своей историей болезни. Кто будет столь проникательным, чтобы раскопать то, что ты скрываешь? Кто будет всматриваться в тебя с напряженным и трепетным вниманием? Кому нужен твой бисер, твои затвердевшие слезы? Твои тайны.

Если только ты не преступник.

– А ты тогда, в моей берлоге, навела меня на интересную мысль. Инсталляция «Призрак» как необычная деталь до-

машного или офисного интерьера. Вот представь некую оптическую иллюзию типа голограммы, в результате которой при определенной игре света в комнате видны очертания... допустим, голой женщины. Видишь, как ты меня вдохновила! Допустим, это призрак женщины, сидящей за столом с книгой. Нет, в этом случае это должно быть светящееся панно... и для него надо выбрать удачное место. Разумеется, потолки при этом должны быть метра четыре, не меньше! Масштабность и мощь! Валькирия прилетела... вместо грачей! Прикольно? А все эти истории про монахинь или Стешины бестелесные певицы устарели. Привидение должно быть эротичным! Я придумал новый слоган!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.